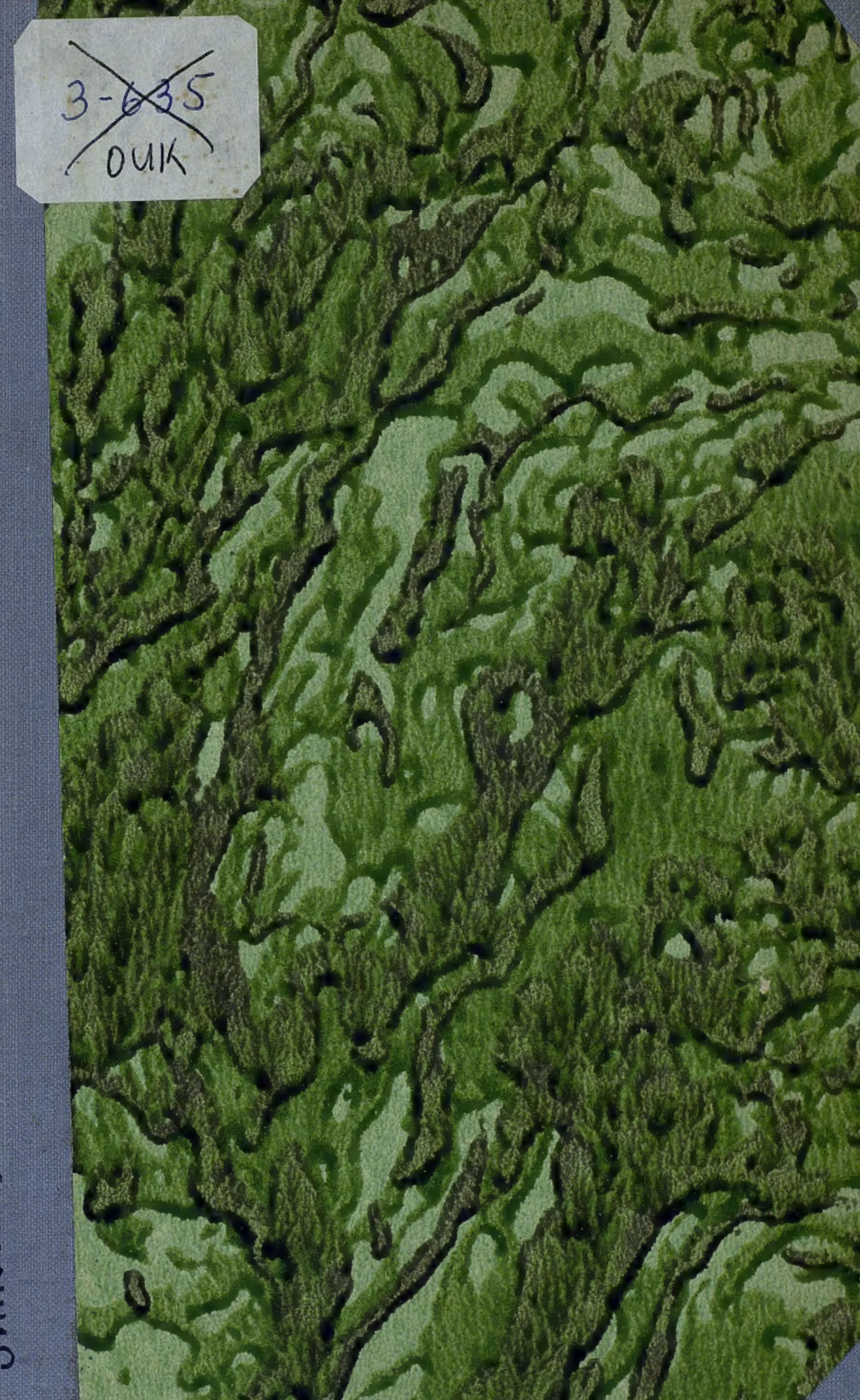

Зиновьев. Г. Беспартийный или коммунист.

Украинская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Г. ЗИНОВЬЕВ.

БЕСПАРТИЙНЫЙ или КОММУНИСТ.

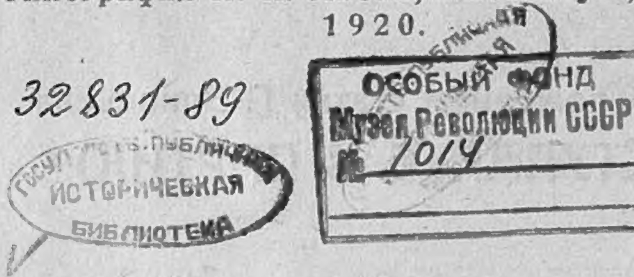
Речь т. Г. ЗИНОВЬЕВА на собрании, в театре Речкина за Московской заставой

С приложением статьи Г. Зиновьева
„ВСТУПАЙТЕ В ПАРТИЮ“.

Харьковский Губ. Комитет Коммунистической Партии (Большевиков) Украины.

ХАРЬКОВ.
Типография А. А. Либин, Рыбная ул., № 17.
1920.

Коммунизм в кривом зеркале.

Товарищи! Сейчас стоит у власти наша коммунистическая партия.

Рабочие и работницы, недавно пришедшие из деревни и не участвовавшие в первой революции 5-го года, т.-е. мало опытные, пожалуй, думают, что коммунистическая партия родилась без году неделя; самое большее около того времени, как прогнали Керенского.

А иные толкуют,—наивно или злостно,—будто коммунизм, это—такое общежитие, когда надо довольствоваться $^1/_2$ фунта или даже $^1/_8$ фунта хлеба, такой строй, когда обязательно приходится сидеть без дров, когда фабрики и заводы останавливаются, когда миллионы людей берут в армию. Коммунистом сплошь и рядом считают всякого, кто разъезжает на автомобиле; коммунистами считают тех, кто на заводах и в деревнях поступают иногда не лучше прежних урядников и земских начальников; выдают себя за коммунистов все, кому только не лень.

Трудно обвинять крестьян, рабочих и работниц, которые недавно только участвуют в политической жизни и недавно стали интересоваться судьбами страны, в неосведомленности, в незнании, что такое на самом деле коммунизм.

Можно слышать нередко такие восклицания: „Знаю я этих коммунистов, это—Иванов, Петров, Сидоров; они думают только о своей шкуре; умеют разговаривать с рабочими только на языке жандармов! Коммунисты, а между тем—воры! Коммунисты, а первые охальники и насильники!“

В действительности такие горе-коммунисты—вовсе не коммунисты. Все поведение таких людей свидетельствует о том, что они представляют собою буржуазное отродье. Часто это—буржуазные сынки, всякими правдами и неправдами затесавшиеся в наши ряды.

Отожествлять коммунистов с этими, примазавшимися к нам людьми, уже испытывающими на себе тяжесть своего преступления, потому что мы их не щадим, приравнивать к ним коммунистическую партию—значит судить, как судят, скажем, неграмотные бабы, когда они сидят на завалинке и чешут языки досужими разговорами.

Следует глубже задуматься над вопросом о коммунизме, над тем, что такое коммунизм, как в самом деле создалась партия, называющая себя коммунистической, чего она добивается, и т. д.

Как пользуются враги коммунизма кривым зеркалом?

Товарищи! Рассчитывая на людскую наивность и представляя себе народ попрежнему темным, легковерным и необразованным, враги коммунизма пользуются каждым удобным для них случаем, чтобы изобразить перед рабочими и крестьянами современное положение вещей в самых мрачных красках и Советскую Россию стоящей чуть не на краю гибели. Завелась паршивая овца в стаде, а буржуи кричат, что все стадо паршивое. Проворовался примазавшийся к нам Иван или Петр, а буржуазия злорадно кивает на всю коммунистическую партию. Правда, иной раз Иван и Петр действительно воры. Мы сами их изобличаем. Их надо оглоблей гнать вон. Но буржуазия, обвиняя всю партию за преступления отдельных личностей, показывает здесь и волчьи зубы и лисий хвост.

Когда возводят новое здание, оно бывает облеплено лесами, пока строится. Если придет и посмотрит человек незнакомый с сутью дела, мало сведущий, неопытный или злобно настроенный и недобросовестный, то может сказать: „Ну, и выстроили дом—одни леса, обломки да щепки, а начнешь взбираться, так еще шею себе сломаешь“. А наше дело еще посложнее. У нас тоже в общественной жизни все здание в лесах, кругом клубится пыль от обрушивающегося старого здания, гнилого, гнусного, полузалитого кровью; взбираться наверх круто, того и гляди упадешь назад, и не всякий за этой пылью и за этими лесами в состоянии разглядеть размеры и красоту того здания, которое мы строим.

Наша партия существует уже много лет.

Партия коммунистов в широком смысле слова, если брать международное рабочее движение, существует не год, не два и даже не два десятилетия, а 72 года. В 1847 году впервые вышел манифест коммунистической партии, написанный Марксом и Энгельсом. Брошено было зерно, и оно упало не на каменистую почву. С тех пор самые сознательные и стойкие, самые самоотверженные рабочие во всем мире старались и стараются создать коммунистическую партию. А буржуазия борется против их строительства.

В целом, если вы посмотрите на эти семь десятилетий, картина, примерно, такая: как муравьи, в разных местах возводят рабочие сначала маленький, потом все больший свой муравейник; пройдет грубая нога, растопчет муравейник— и опять муравьи начинають свою работу, и так почти во всех странах света—с тех пор, как это зерно посеяно Марксом 72 года тому назад...

Семьдесят два года! Да это—не одно, а два человеческих поколения.

Вот как давно существует коммунистическая партия.

И вот почему теперь рабочие, молодые, или хотя не молодые, а пожилые, но только что вступающие в политическую жизнь, не должны уподобляться Иванам, не помнящим родства, а должны родство свое знать и должны сами доискиваться корней, откуда эта партия взялась, когда она начала работать, чего она хотела и хочет, какова ее история.

Когда к вам, наиболее сознательным, честным и толковым из вас, в том числе и к беспартийным, приходят враги коммунистов и говорят: „Вот Иван, Петр, Карп, Сидор—коммунисты, а поступают скверно“; когда вы видите, как разные господа отсталых рабочих восстанавливают против единственной рабочей партии, которая уже 70 лет создается во всем мире,—вы должны им возразить: „Мы—не Иваны, не помнящие родства; рабочая партия может иметь в сто раз больше слабостей, чем она имеет, и все-таки это—единственная, великая рабочая партия, которая 70 лет камень за камнем складывает наше рабочее здание“.

И, товарищи, если вы возьмете нашу собственную страну, так и в России партия наша существует не год и не два, а ровно 35 лет: тридцать шестой год пошел; потому что в 1883 году была написана первая программа революционной социал-демократии, которая потом развилась в коммунистическую партию.

Уже в 1871 году во Франции у нас были не маленькие только кружки, не маленькие группы коммунистов, а большой рабочий муравейник. Парижские рабочие на несколько недель взяли уже власть в свои руки. Но буржуазия испугалась, вошла в соглашение с немецкими генералами и не только затоптала рабочий муравейник своими сапожищами, а взялась за артиллерию и расстреляла целое поколение французских рабочих. Она так истребила их, что не было ни одной рабочей семьи, которая не потеряла бы отца, матери, брата, сестры. Насчитывается несколько десятков тысяч жертв буржуазного террора во Франции.

В России не сразу проросло зерно коммунизма, но как только оно давало ростки, их старались смять и затоптать. Первые стачки ткачей в центральной России, когда сплотились первые рабочие кружки по почину рабочего, ткача Петра Алексеева и др., были сурово встречены помещиками, фабрикантами и старыми царскими генералами.

Кружки коммунистов сливались в организации, организаціи выделяли комитеты. Потом образовывался в городе общегородской комитет, и отсюда уже один шаг до коммунистической партии. Так шло дело и в России. И шло бы оно скорее, но молодые побеги постоянно растаптывались. Ведь 36 лет продолжалась страшная борьба между трудом

и капиталом. То, что удавалось целой группе, цвету рабочего класса, то, что создавалось целыми годами, то помещики и царь уничтожали в один день.

Вожди рабочих, передовики, цвет рабочего класса настойчиво и беззаветно продолжали свое дело и шаг за шагом все же складывали свою постройку. Вырастал уже целый коммунистический кружок, или комитет, или какая-нибудь нелегальная организация. Но немедленно являлись вожди другого мира, вожди капиталистов и помещиков, и все это сметали с лица земли. Сметали, но не смели. Коммунистическая партия победила, коммунистическая партия подняла в России победное красное знамя.

Что такое партия?

Почему же, товарищи, такая ненависть буржуазии к коммунистам? Потому, что нет и у коммунистов особой любви к буржуазии. Потому нас не любят буржуи, что мы теперь организованнее буржуазии, что мы вырвались из-под ее гнета, что рабочий класс, благодаря коммунистической партии, становится господствуюшим в государстве.

Что такое партия? Какое это слово „партия“? Партия происходит от латинского слова pars, которое означает „часть“. Партия, это—часть рабочего класса, передовая его часть. Не больше и не меньше.

Партия коммунистов, это—ваши руки, ваш мозг, это—оргаинзованная часть рабочего класса. Вот что такое партия.

Коммунистическая партия, единственная во всем мире, пишет в своей программе: „Раз навсегда уничтожьте частную собственность, раз навсегда отнимите фабрики и заводы у капиталистов и отдайте рабочим, а землю—крестьянам“.

После этого другого чувства, кроме ненависти, у буржуазии к нам и быть не может. Иначе она должна перестать быть буржуазией...

Уничтожить собственность помещиков и капиталистов **нельзя без организации**. Если вас будет миллион человек, но если вы будете при этом неорганизованы, рассыпаны, вы будете слабее, чем если бы вас было только 10.000 человек, но если при этом вы знаете, чего хотите, если каждый на своем месте, если каждый знает свой пост, свой род оружия, если все идут дружно, только тогда совершаются самые благодетельные перевороты в общественном строе, только тогда правильно извергаются революционные вулканы и воплощаются мечты о счастье человечества.

Вот что такое партия, вот чего она требует и вот для чего нужна партия.

Лисий хвост.

Побеждает или близок к победе рабочий класс? Но тут-то показывается лисий хвост буржуазии и ее лакеев—меньшевиков и эс-эров. Буржуи и их лакеи начинают нашептывать: „Да, товариц-рабочий (чтоб черт тебя побрал!), может быть, и хорошо отдать тебе фабрику, а крестьянину отдать землю. Но какая тебе польза, если фабрика стоит, если вот фабричная труба, но без дыма? Ты смотришь на свою опустевшую фабрику, а толку никакого!“ Или: „У крестьянина земли теперь много, а ковырять-то ее нечем. Я и сам был бы социалистом, почему нет; я, честное слово, за уничтожение частной собственности, клянусь Богом; но разве можно поступать так, как коммунисты: остановили фабрики и не дают деревне ни подковы ни гвоздя!“

Тут и кстати и некстати злая шуточка по поводу осьмушки или четвертки хлеба. Тут и негодующие выходки по поводу гражданской войны съ тайной молитвенной надеждой на заграничную буржуазию и даже на Финляндию, которой негодяи готовы продать Петроград, лишь бы им вернуть свою „священную“ собственность. Тут и проповедь беспартийности...

Вообще, подбивая против партии коммунистов, эти господа большею частью любят играть в беспартийность.

Беспартийность партийна!

К сожалению, и в среде рабочих заметны иногда „беспартийные“ теченія. Часто, сами того не сознавая, рабочие делают и говорят то, что подсказывает им буржуазия. Неужели же, однако, буржуазная беспартийность так уже беспартийна на самом деле? Не наоборот ли?

Чем держится буржуазный строй? Равнодушием к политике?

Нет! Он держится, конечно, насилием, артиллерией, штыками; в царской постройке, как и в буржуазной, пушки, штыки и нагайки всегда играли громадную роль. Но буржуазия держится еще целым узлом партийных хитросплетений.

На первом плане в игру замешан поп, потом народный учитель, который с молоком матери всосал буржуазные предрассудки, чтобы передавать их нашим детям. Потом важную роль играет буржуазная газета. К услугам буржуазии депутат, церковный амвон, адвокат, песня, театр. Все это—верные средства для обмана народа. Громадная и очень сложная постройка!

Дело не так просто: не то, что взял штык и сказал рабочему: не послушаешься—распорю тебе брюхо. Буржуа-

зия действует еще и иначе; штык—ее любимое средство, но у ней есть сотня и других способов про запас..

Возьмем образцовую буржуазную страну—Францию, где существует так называемая буржуазная республика уже несколько десятилетий. Как она действует, как она умеет опутывать душу рабочего с колыбели! Едва ребенок рабочего родился и начинает произносить первые слова, едва появляются у него членораздельные звуки, уже он начинает заучивать первую песню. Но какую песню? Непременно буржуазную, поповскую. Ему подсказывают, что президент такой-то—помазаник божий; его воспитывают в любви к Наполеону! А ведь Наполеон раздавил первую, хотя и не социалистическую, но все-таки великую революцию. Прошло больше ста лет с тех пор. Буржуи до сих пор благоговеют пред Наполеоном! И вот каждый ребенок с трех лет, еще не научившийся как следует произносить „папа" и „мама", знает Наполеона, и ему подсовывают эту песенку. Его учат молиться, как хотят буржуи.

Пойдем дальше. Шести лет дитя поступает в школу, ему дают иногда бесплатный учебник, кое-где кусок хлѣба, как это делают в Швейцарии. Но тут же ему дают камень, тут же ему преподносят изрядную порцию буржуазнаго яда. Ему дают учителя из попов, католиков и учительницу, у которой у самой шоры на глазах. И все они будут этого ребенка обрабатывать, с шести лет доказывать ему, что он создан для того, чтобы трудиться и воевать, а фабрикант для того, чтобы „управлять" им, т.-е. пить из него кровь и пользоваться плодами его побед; что такой строй, когда ничтожное меньшинство буржуев управляет страной, самим богом указан; что это—лучший строй, а социалисты-коммунисты—звери. В 15—18 лет это уже готовая жертва буржуазии, готовый солдат для буржуазной армии.

И только когда нашей партии удается проникнуть к таким рабочим, взять их в свои руки, отрезвить их от угара и яда, снять повязку с глаз и приобщить к рабочей партии, тогда только начинают они просыпаться к новой жизни и понимать то, что происходит...

Итак, на деле—подлый и хитрый обман, а на языке—медовое и как бы ни к чему не обязывающее слово: „беспартийность".

С другим буржуазным словом к рабочим массам не пролезешь. Как рабочему сказать: „вступай в партию банкиров или помещиков"? Нельзя, не выйдет...

Потому что все-таки если рабочие придут на собрание, а там половина членов сидела бы в цилиндрах и во фраках, то рабочие будут чувствовать себя не ладно. Заговори буржуи прямо, что надо власть отдать Корнилову, а землю оставить помещику, вы обругаете их крепким словцом, хлопнете дверью и уйдете.

Таким образом, буржуи не могут позват вас прямо в **свою** партию. Что же им остается делать? Им остается изобрести „беспартийную“ партию. И они ее изобретают и рабочему подсказывают такую штуку: не мешайся, братец, в это дело, твое дело—сторона, чего тебе там заниматься политикой, будь просто беспартийным... Говорят—„**беспартийный**, а про себя думают—„**безмозглый, безголовный, бестолковый**“!

И то же самое приходится сказать о меньшевиках и эс-эрах. В свою обанкрутившуюся партию они звать вас не решаются. Вот они и говорят: будь беспартийным!

И, товарищи, с этим злом нам приходится бороться самым решительным образом, потому что такие мысли потворствуют умственной лени. Наш рабочий был забит, долгие годы был под игом, возил воду на чортову мельницу. Так тяжело ему жилось, что у него мозги иногда ворочались с трудом. Ему легче переварить такую штуку, что, мол, „не мешайся, твое дело—сторона, будь беспартийным“; ему легче это воспринять, чем разбираться в том, что такое партия, а партий много, и из них надо выбирать, надо читать и думать; это ему кажется тяжело.

Гораздо легче, когда тебе разжуют мякину и дадут, как индюку, проглотить. Беспартийному не надо ни бороться ни думать; он—просто—ни теплый, ни холодный, ни в тех, ни в сих, сидит между двух стульев и утешается тем, что он—беспартийный.

Буржуазия не беспартийна.

А много ли вы знаете буржуев беспартийных, много ли видали вы их? Я не видал таких буржуев. Вы не сыщете их днем с огнем.

Буржуй в любой цивилизованной стране еще не успеет окончить университета и сесть за прилавок или в банк, как он уже член своей партии. Это он **вам** проповедует беспартийность, а сам он отнюдь не беспартийный. Это он **вам** советует пить воду, а сам старается выпить винца. Он великолепно знает, что надо организоваться для того, чтобы проводить свою линию. Во всем мире буржуазия организована: в России кадеты, во Франции радикалы, в Англии „демократы“. Более того. Когда надо, буржуй перекрашивается: он и демократ, он и социалист. Во Франции буржуазная партия так и называется партией социалистов-радикалов. Иначе нельзя: не обманешь—не продашь; на выборах не получишь ни одного голоса у крестьян и рабочих, а проходить в парламент надо...

А войдите в собрание этих „радикал-социалистов“: буржуй на буржуе, цилиндр на цилиндре, банкир на банкире. Каждый буржуй входит в **свою** партию и организуется, а

рабочим подсказывает: „Ты в партию не входи и будь беспартийным“.

И вот, товарищи, с чем мы боремся уже не один год, и с чем придется еще долго бороться в такой стране, как Россия, где мы только что начинаем жить сколько-нибудь свободно и где, когда мы начали жить свободно, сразу навалилось на нас столько тяжестей и столько закопошилось врагов кругом. Измученный рабочий больше всего думает, где бы достать кусок хлеба поскорее и дров на зиму, но именно для этого надо итти в партию.

Если мы хотим вырваться из неволи, мы должны точно узнать, на чем же держится буржуазный, т.-е. эксплоататорский, строй, когда человек человека приневоливает себе не только штыками, артиллерией, кавалерией, но и хитрым обманом. Я уже говорил, что буржуазный порядок держит в руках своих души рабочего класса, душу вашего ребенка. В школе нравственно растлевают ребенка с самых малых лет и настраивают этот хрупкий инструмент, этот музыкальный инструмент—человеческую душу—душу ребенка так, как им надо.

Что во Франции, то и в России. Есть у буржуазии великолепные „настройщики“, которые на этом зубы съели, которые специально на это посажены, которых осыпают золотом их хозяева. Есть мастера втирать очки: „Не нужна партия, к чему партия, милый друг; будь беспартийным, удобнее и проще. Ты не должен бороться, тебе не в чем разбираться. А я, буржуй, беспартийным не буду, я свою партию создам, я-то хорошо знаю, что в организации—сила“.

Товарищи! Помните: что враг советует, то верно худо...

Какая партия не обанкротилась?

У нас в России все партии, все до единой, кроме нашей рабочей партии, в течение двух лет обанкротились.

В течение двух лет мы в России пережили столько, сколько другая страна при другой обстановке переживет разве в десятки лет: свержение царя, свержение буржуазии, окончание четырехлетней войны, начало новой, гражданской войны, голод, разорение и вместе с тем зачатки нового строительства—коммунизма. Другому народу и в двести лет столько не пережить!

Быстро мы жили и быстро сгорела партия кадетов—партия чисто буржуазная. Восставший народ испепелил эту партию предателей народной свободы. И еще быстрее сгорели партии агентов буржуазии—меньшевиков и эс-эров, этих ее лакеев и прихвостней. Все эти партии сгорели, сгнили на корню, отцвели, не успевши расцвесть.

Не они ли вам нашептывали: к нам, к нам! Но вы видели их „работу“, вы видели, что власть меньшевиков и

эс—эров уже в июле 1917 года означала расстрел рабочих Петрограда! Эти партии якшались с английской и французской буржуазией, навязавшей нам было новое наступление на фронте для захвата Константинополя.

И кадеты, и меньшевики, и эс-эры теперь за бортом здоровой политической жизни. Они не у дел. Они сами ничего не строят, и роль их свелась к помехе нашему строительству, к гнусному и предательскому союзу с белыми. Они продают нас английским, французским и другим бандитам, осаждают нас и душат „костлявой рукой голода". Они вселяют к себе отвращение и ненависть даже со стороны людей, бывших почему-либо равнодушными к политике.

Это ли еще не банкротство, товарищи?

„С суконным рылом—в калашный ряд".

Сунуться поэтому открыто они не могут, и им остается играть на струне безпартийности, беспрограммности, бесцветности, и в этом сказывается их глубокое презрение к рабочему классу. Иными словами, но они говорят рабочему: где тебе с суконным рылом в калашный ряд, где тебе разбираться в программах, вникать в них, это не для тебя писано, это для просвещенных господ, а для тебя хватит розовой водички, сладенького словечка: „беспартийный".

На эту удочку, вы это хорошо знаете, ловится больше всего вашего брата, рабочего. В этом зале, можно сказать, положа руку на сердце, есть не одна сотня даже таких, которые с гордостью повторяют: я—беспартийный!

А чем, спрашивается, гордиться?

Разве беспартийные двигали вперед Россию?

Возьмите лучших людей России с 1861 года, с освобождения крестьян, с падения крепостного права, тех, которые мужественно возглашали: „Долой крепостное право!".

Были люди: как Герцен, как Чернышевский, как Добролюбов, виднейшие русские писатели, борцы за народ. Конечно, эти деятели—не коммунисты в нашем смысле слова, но они отнюдь не были беспартийны. Они пытались создать свою освободительную партию потому, что иначе они не могли бы выполнить того, что они сделали, не могли бы раскачать народ, сделать таким популярным, таким любимым это требованіе: долой крепостное право!

Остановимся на 70-х годах, на начале 80-х годов, когда появляются первые группы рабочих вождей, выходцев из рабочих масс, такие люди, как ткач Петр Алексеев, как столяр Степан Халтурин.

Петр Алексеев—рабочий, который начал почти 40 лет тому назад организовывать рабочие стачки и кружки, чтобы скинуть царя, чтобы создать новый строй. Что же, он был беспартийный?

Халтурин—столяр, взорвавший Зимний дворец, желая убить царя, разве не действовал совместно с другими вождями-революционерами—Желябовым, Перовской, Кибальчичем. Он устраивал первые рабочие кружки, писал против царя, против самодержавия. Но разве мог он быть беспартийным?

Теперь кажется таким понятным лозунг: „долой самодержавие царя". Всякий знает, что, конечно, „долой самодержавие царя". Но было время, когда трех слов этих нельзя было вымолвить. Люди не смели тогда об этом и подумать, а не только сказать: так тяжел был гнет, так глубоко отсталым был народ. А все же и тогда нашелся рабочий Степан Халтурин, который навеки вписал свое имя в золотую книгу освободительного движения и биографию которого должен знать каждый рабочий; он сияет нам, как звезда путеводная. И вот этот Степан Халтурин, выходец из рабочих масс, мог ли он, повторяю, быть беспартийным?

Нет. И он действительно принадлежал к партии народной воли, которая была тогда самой революционной партией. Разве он мог бы выполнить сотую часть того, что сделал, если бы стоял в стороне и говорил: „меня это не касается, я—беспартийный". Как бы он вошел тогда во всемирную историю нашей освободительной борьбы?

Дальше. Возьмите таких деятелей того времени, как Желябов, как Софья Перовская.

Желябов был сын крепостного. И когда Андрея Ивановича Желябова, сына крепостного, случайно увидел помещик и поместил его в школу, он до второго класса считался крепостным. Из биографии его известно, какие картины ему приходилось наблюдать в детстве: сестру его матери, которую он любил, изнасиловал помещик: отец Андрея Ивановича пошел искать правды против помещика, и правды не нашел. Но зато его высекли. В уязвленную детскую душу запало тяжелое впечатление, и он поклялся, как вырастет, убить этого помещика. Но когда вырос, он сказал себе: „Зачем я буду убивать обыкновенного рядового помещика? Убью я лучше первого из помещиков—царя". И в марте 1881 года он помог убить царя.

Желябов—гигант; его со временем будет знать весь наш народ; это—Ленин 80-х годов; в нем такая же сила, и он такой же вождь, только он действовал при другой обстановке. И понятно, что беспартийным он не был. Разве мог он сказать: я ни к какой партии не принадлежу?

Уже в 80-х годах, когда народ был пылью, бесформенной, аморфной массой, он пытался создать кое-что, он строил

первые кружки, стал организовывать нелегальную партию, сплотил ее, стал во главе ее, открыл нелегальную типографию, убил царя.

Его повесили. Но он жив в памяти своего народа. Он не был беспартийным, он образовал партию, самую революционную партию в тогдашнее время.

Пример Карла Либкнехта.

А в эти два года, которые мы переживаем, когда весь мир меняет свой облик, разве мало выдвинулось крупных людей?

Возьмите такого человека, как Карл Либкнехт.

Кто из рабочих не уважает Карла Либкнехта?

Самый беспартийный рабочий, если только он не вполне темный, где-то в уголке души своей питает теплое чувство к Карлу Либкнехту. Он никогда его не видел, может быть, ни одной строчки его не читал, но знает, что этот человек поднял знамя борьбы тогда, когда все немцы шли за Вильгельмом палачом, и отдал, в буквальном смысле этого слова, всю кровь свою до последней капли за дело рабочих.

Карл Либкнехт—вождь мирового пролетариата, лучший представитель Третьяго Интернационала, представитель германских рабочих. В 1915 году, когда все немцы были пьяны от воинственнаго восторга, Либкнехт первый выступил с маленькой группой единомышленников на площади в Берлине и воскликнул: „Долой войну, долой Вильгельма, поверните штыки против буржуазии, я стою за то, чтобы рабочие взяли власть в свои руки!“ Его убили палачи в Германии при содействии германских меньшевиков. Но—без преувеличения—имя Карла Либкнехта будет со временем не менее известно, чем было известно имя Иисуса Христа.

Не зачем долго распространяться о Карле Либкнехте. Миллионы людей знают, что такое Карл Либкнехт. Когда мы окончательно победим буржуазию и начнем мирно строить свою жизнь, имя его в числе прочих будут упоминать с величайшим благоговением.

И я теперь спрашиваю вас: можно ли представить себе, чтобы Карл Либкнехт был беспартийным?

Я спрашиваю: в чем была сила Либкнехта? А в том, что, когда все шли за Вильгельмом, за попами, за буржуазией, он встал один и сказал: „У меня вот какая программа, моя партия против войны“. Над ним смеялись и говорили: „Да твоя партия настолько мала, что вся на одном диване усядется“.

А Либкнехт возразил на это: „Нас немного, но что будет через год, когда у рабочих откроются глаза?“

И с каждым месяцем за Либкнехтом шли все большие и большие массы, шли толпы рабочих. И, в конце-концов, за ним пошел весь рабочий класс.

Либкнехт мог совершить это только потому, что он не был беспартийным, что у него была определенная ясная программа, что он знал, чего хотел. Каждую букву своей программы он написал кровью своего собственного сердца. Он умел за каждую строчку своей программы бороться до конца. Только поэтому темный, придавленный, забитый, измученный войной рабочий почувствовал настоящую правду в призывных словах Карла Либкнехта и за ним пошел.

Если бы Либкнехт был беспартийным, он не был бы Либкнехтом.

Я мог бы примеры в этом роде умножить без конца.

Все, что есть хорошего на планете нашей, такого, что дало встряску нам, заставило подумать, отыскать свое место в жизни, все реформаторы, организаторы, революционеры, люди, которые сплачивали миллионы товарищей вокруг себя,—все они **не были и не могли быть беспартийными.** Иначе каждый из них превратился бы в жалкую букашку, которая ползет и скачет, не зная куда и не зная, чем кончит, не соображая ничего дальше завтрашнего дня, не имея ничего за душой, не давая себе отчета в том, что происходит. Все то, что было в рабочем классе крепкого, революционного,—все это было партийное и всегда принадлежало к величайшей из партий—к партии коммунистов.

Что такое беспартийность в лучшем случае?

Что такое в сущности беспартийный в лучшем случае, т.-е. если он не лукавит, если он—искренний человек?

Беспартийный не знает, чего он хочет, не имеет определенной программы, не зовет никого к себе: зачем он станет звать других, когда он сам не знает, чего хочет? Если будет тысяча беспартийных, то будет тысяча программ, будет полная разрозненность. Беспартийность—значит бессилие. Нужна крепкая организация, нужно вместе итти бороться, добиваться, а если надо—и погибать!

Надо изучать нашу программу.

Вы должны изучать нашу программу, если хотите сознательно отнестись к делу. Вы должны знать, какие ответы наша программа даст на все вопросы дня.

Правда, мы на себя взяли громадную задачу. Мы добрую половину пути прошли. Кому приходится вместе с нами везти воз на гору, тому плечи натерло ужасно. Порой мы надры-

ваемся, нам трудно двигаться. Но мы говорим: три четверти пути пройдено, напрягись. Тому, кто так задыхается под ношею, у кого спина болит, тому мало утешения, что столько-то пути пройдено, и, может быть, он упадет под тяжестью, когда воз будет поднят уже на самую гору. Да, рабочие подчас голодают, да, дети наши иногда выглядят так, что краше в гроб кладут, хотя детям мы отдаем больше забот, чем взрослым. Да, положение страны нашей очень трудное. Но чем ночь темней, тем звезды ярче, мы все-таки победим!

Город не дал еще деревне всего, что ей необходимо, так же, как и она городу. Мы не кончили еще войны. Стая жадных псов окружает нас. Белогвардейцы просят помощи у немцев, у японцев, у французов, у кого угодно: даже чернокожие появлялись против нас. Буржуазия бросает людоедов против нас. Нечего удивляться, что мы переживаем трудную полосу. И все же мы повторяем: три четверти пути пройдено!

Вот почему необходимо, более, чем когда бы то ни было, отнестись строго к вопросам о принадлежности к партии.

Кто мы?

Мы—не особая секта, мы—не „начальство", не особые избранники, не аристократы, которые прячутся. Наша партия, это—вы, наша партия, это—рабочий класс.

Если до сих пор это не так ясно всем, то потому, что сначала нас давил царь, потом буржуазия, а теперь давит голод, давят мучения, стоящие на пути, мешают те мерзавцы, которые втерлись в наши ряды и пачкают нашу партию. Но когда мы полосу эту пройдем, вы будете открывать глаза от удивления и будете говорить: как же это мы не понимали и думали, что коммунистическая партия—что-то особое, малопонятное, какое-то заморское чудо. А ведь оказалось, что коммунистическая партия, это—я, это—вы, это—Иван, Петр, Сидор, Марья, это все рабочие и трудящиеся крестьяне всей России!

Необходимо только организоваться, теснее сплотиться, чтобы стать силою, сознательно добивающейся определенных целей. **Надо войти в партию.**

Чего мы хотим?

Призывая вас в партию, что мы преследуем? По наговорам врагов, коммунист зовет потому, что ему тяжело приходится. Так нашептывают буржуи и меньшевики. Если насчет тяжести пошло, то всякий из вас знает, что год тому назад нам было в тысячу раз тяжелее,—когда Казань и Ярославль находились в руках белой гвардии, когда Псков

был в руках Вильгельма, когда продовольственные органы были в тысячу раз хуже, чем сейчас, и голод больше. Мы зовем вас не потому, что нам особенно тяжело (конечно, тяжело!), а потому, что мы звали вас уже 36 лет тому назад. Звали другие люди—это так; те, кто звали тогда, теперь расстреляны, повешены. Члены нашей партии усеяли всю Владимирку, весь Сибирский путь своими костьми. И в каждой тюрьме, и в каждой камере слышатся стоны наших товарищей, замученных в каменных мешках.

Но звали-то мы вас всегда. И зовем вас теперь потому, **что наша партия, это—вы.**

Если сравнить партию с этим залом, где сидите, то **наша партия, это—передніе ряды зала.** Если предположить, что в этом зале, в передних рядах сидят самые опытные, самые организованные, самые грамотные, самые дальновидные, самые способные к борьбе, самые благородные и самые самоотверженные, тогда это—то же самое, что наша партия в отношении ко всему рабочему классу.

Мы не заботимся о числе.

Чем больше членов в коммунистической партии, тем конечно, обезпеченнее наша победа над прогнившим буржуазным миром, над всем, что исторически отжило и отживает. Но члены, вступающие в партию, должны быть достойны такого вступления. Поэтому мы зазываем в свою „лавочку" и не заботимся исключительно о числе. Дело не только в числе. Дело в том, чтобы все рабочие, все сознательные передовики стояли в рядах своей партии. В этот трудный момент социалистического государственного самостроительства каждый такой рабочий должен подчиниться дистиплине партии, и через то он получает возможность проверить свои силы, работать в том или другом месте, помогать народу своему строить новое здание. Вот для чего мы хотим, чтобы наша программа была ясна, чтобы она горела огненными буквами в сердце каждого сознательного пролетария. Каждый честный рабочий, часто сам того не сознавая, в душе уже коммунист,—если он ненавидит буржуазный гнет, если он чужд буржуазных замашек, если он не мечтает сам сделаться в близком или далеком будущем захребетником, эксплоататором, богачом.

Надо любить свою партию.

Кто в душе восхищается Карлом Либкнехтом и теми людьми, которые шли и грудью прокладывали дорогу рабочим из страшной тюрьмы, кто уважает тех, которые первые выступили на борьбу, когда кругом было темно и царей было как собак нерезанных,—тот коммунист. И такому че-

ловеку, вступающему в наши ряды, мы говорим: у нас много слабых сторон, мы знаем это сами. Легко критиковать, зубоскалить, чесать язык и посмеиваться. Но разве это достойное занятие для рабочего? Для старой бабы, да! Для буржуя, который готов нас в ложке воды утопить, да! Как мы посмеиваемся над ними, так и буржуи стараются смеяться над рабочими. Но для рабочего это—не занятие. Рабочий, если видит, что в его партии плохо, должен болеть душой; он должен стараться поправить зло.

Чтобы стать равноправным членом коммунистической партии, кроме того, рабочему надо учиться, учиться и учиться Он должен знать, что коммунист—не охальник, не грубиян. Пусть он не забывает, что коммунистами были десятки тысяч рабочих, которые шли против царя тогда, когда казалось, что богом положено, чтобы „и ныне и присно" был царь. Коммунистами были не десятки тысяч, которые легли костьми и отдали жизнь свою—за что? За личные интересы? Нет, они отдали жизнь свою за дело рабочих и крестьян. Никаких личных интересов не было ни у Желябова, ни у Урицкого, ни у тех десятков и сотен тысяч борцов, которые пали за наше дело. Коммунисты шли на смерть потому, что любили свою партию, были верны пролетариату.

Товарищи, среди нас есть люди, которые свою партию любят гораздо более, чем свою семью, чем своих детей. Люди, которые воспитывались в этой партии, которые ее создавали, которые стояли у ее колыбели, которые видели, как она рождалась, мучилась, как ее преследовали, как за одно название „коммунист" наших борцов готовы были утопить в Фонтанке, которые вместе с партией скорбят и радуются и терпят поражения,—такие люди любят свою партию больше всего на свете! Эта партия есть их путеводная звезда, в ней—смысл их жизни. Это- то, для чего люди эти живут и за что умирают. Ряды вот таких коммунистов нам надо пополнить и умножить. Нет выше звания, как звание члена партии коммунистов.

И надо добить врага...

О, разумеется, не вечно мы будем страдать и преждевременно умирать, терпеть голод и холод. Партии нашей не всегда придется лить свою кровь, как воду, в борьбе с белогвардейцами. Если взятся дружно за дело, наступит и на нашей улице настоящий светлый праздник, и будет он светлее всяких других праздников на земле!

Хотя бы только два года завоевать нам спокойной жизни для свободного и мирного строительства.

Все заводы станут работать электричеством. От порогов проведены будут двигатели—так называемый белый уголь. Электрическая лампочка зажглась уже в деревнях

далекой Сибири—и то же будет в городах! Разве общественные обеды будут так голодны, как теперь? Разве земля будет всегда ждать своего пахаря?.. Какое во всем может настать изобилие, даже роскошь! Надо только добить врага!

Я говорю это не для того, чтобы „кормить завтраками“. Вы—люди взрослые и сами разбираетесь во всем. Если мы добили главных и самых сильных врагов, как Николай Романов и Вильгельм, у которых были миллионы солдат и миллиарды денег, то что такое, например, жалкий Деникин? Мы его в буквальном смысле слова закидаем шапками, если рабочий и крестьянин начнут ясно сознавать, чего они хотят.

Ведь остался уже последний враг; все остальные пытались укусить и не могли: ломали себе зубы: слишком твердый орех Советская Россия; пыталась раскусить и английская и французская буржуазия, и только ломала себе зубы. Когда же, наконец, и Деникина постигнет такая же участь, кто и что помешает нам превратить Россию в цветущую страну? Вернутся с фронтов посланные туда лучшие силы, и мы будем иметь хлопок, уголь и хлеб: города и деревни сольют свои границы и станут обиталищами счастья и радости. Полная и могучая закипит у нас жизнь.

Мы на перевале, девять десятых дела сделано, но рабочему особенно трудно приходится выдерживать последние испытания. И голодно и холодно. И вот наши враги ползут, как змеи, шепчут: „Оставайся беспартийным, на кой чорт тебе партия коммунистов, тебя не касается, разве это твое дело? Собаки грызутся, и пусть их, а ты себе стой в стороне“.

Но вы знаете, что если, предположим, придет Деникин, благодаря тому, что многие из вас беспартийные, не станут с ним драться, то он ведь не будет спрашивать, коммунист ты или нет.

Он будет спрашивать, рабочий ты или нет.

Не успел он войти в Харьков, как стал расстреливать и вешать именно рабочих и крестьян, независимо от их партийности...

Кого мы исключаем из партии?

Возвращаясь к людям, которые, находясь в наших рядах, мешают вам понять, что такое—коммунистическая партия, не нахожу достаточно резких слов для их осуждения. У нас была перерегистрация, т.-е. чистка нашей партии. И в одном Петрограде мы исключили из наших рядов около трех тысяч членов, т.-е. тех, коммунизму которых без году неделя и которые пролезли к нам для личных выгод. Мы исключили тех, кто перекрасились, об'явив себя коммунистами, и проникли к нам, в особенности в деревне, где разоб-

рать и проверить сразу, кто во что верует и чем ознаменовал свое гражданское поприще, невозможно; да и в городах это не так легко.

Кого зовем в партию?

Партийная неделя, успешно протекшая в Петрограде, исключительно имела в виду **рабочих, работниц, красноармейцев и матросов**; не мог прийти в партию никто посторонний, ни один чужак. Исключая одной рукой недостойных членов, порочивших своим пребыванием в ней партию и пролезших в нее единственно из желания пользоваться выгодами государственной службы и, кстати, портить нашу социалистическую музыку, мы другой рукой широко раскрыли и продолжаем раскрывать двери в партию для всех рабочих и искренно готовых дружным единением в партии достигнуть осуществления главнейших целей коммунизма.

Как оздоровлять партию?

Как ни одна крестьянская мать, если в ее семье заболеет ребенок, не выбросит его на улицу, а станет лечить или в случае заразительности болезни определит его в больницу, чтобы оберечь от заразы других детей, так и мы должны прежде всего стараться излечить от того или другого порока как-нибудь захромавшего или чем-нибудь погрешающего родного нам сочлена—рабочего—и изгнание из партии применять в крайнем случае.

Что же касается воров и негодяев, которым удалось сделаться не только „коммунистами", но и „комиссарами", то я как-то уже сравнил их с клопами, с позволения вашего. Когда заводятся клопы в избе, то, чтобы избавиться от паразитов, прибегают к действию скипидара или каких-нибудь насекомо-истребительных порошков. Но никто не сжигает дома. Таких идиотов мало на свете. Перерегистрация и была именно употреблена в качестве клопоистребительного, вороуничтожительного средства. Может быть, вы придумаете еще и другое средство, еще более действительное—пожалуйста, попробуем. И метла и швабра—тоже хорошая вещь. Можно и десять швабр пустить в ход. Но не слушайте тех, кто советует вам бросить избу на произвол, выйти из нее совсем и поджечь. Не верьте поджигателям!

Будем коммунистами!

Не верьте поджигателям! И если вас тянет к свободе, как тянется к солнцу цветок, к свободному труду, к коммунизму, т.-е. к такому богатству, когда нет уже богачей, но тем не менее все богаты, к свету, когда толково учат детей и ухаживают за ними, развивая физически и духовно, к знанию всего, что делается на белом свете,—если вы душою с нами, **то идите в нашу партию, рабочие, работницы, крестьяне, матросы и красноармейцы!**

Но пусть идет в нашу партию тот, кто способен изучать ее программу, кто способен бороться за нее. Когда мы победим, о, тогда много будет коммниунистов! Но таких нам не надо. Нам нужны коммунисты, которые идут в нашу партию тогда, когда, кровью покупается наша победа, когда на каждый вершок земли мы продвигаемся с громадными препятствиями. Нам нужны те, кто любит свою партию, как любили свою партию Степан Халтурин и Петр Алексеев. Мы зовем в свои ряды тех, кто не верит бабьим сказкам и судаченьям, а кто видит, что неладно, приходит и исправляет. Посоветуйте буржуям, меньшевикам и эс-эрам: „Станьте, господа хорошие, вы беспартийными. Зачем вам партии радикалов, кадетов, белогвардейцев, трудовиков, эс-эров? Будьте лучше беспартийными. А мы, рабочие, мы будем партийными, потому что наша партия, это—то, что есть лучшего в рабочем классе, это—та часть рабочих, которая взяла за горло буржуазию, задушит эту буржуазию и освободит весь мир!“.

Вступайте в партию!

Письмо петроградским рабочим, работницам, красноармейцам и матросам.

Петроградская организация коммунистов открыла партийную неделю, которая будет продолжаться от 10 до 17 августа. В течение этой недели мы хотим усиленно вербовать рабочих и работниц, красноармейцев и матросов в ряды нашей партии. Ко всем труженикам, которые до сих пор почему-либо не вошли в нашу партию, по той или другой причине считали себя беспартийными, мы обращаемся с предложенiем ознакомиться с нашей программой и войти в наши ряды.

Один железнодорожник по фамилии Филиппов пишет мне в письме, полученном мною сегодня, следующее: „Мне страшно хочется вступить в ряды работников Р. К. П., чтобы потрудиться на пользу родному мне рабочему движению, но все мои начинания не удавались до сих пор". Автор рассказывает о своих мытарствах, которые он испытал, стараясь попасть в партию. Теперь, прочтя в газетах о неделе агитации, автор просит меня помочь ему вступить в наши ряды.

Таких писем я получаю много. В настоящем открытом письме я и отвечаю всем тем, кто писал мне по этому поводу: неделя партийной агитации для того и назначена, чтобы всем таким людям дать возможность без излишних формальностей вступить в ряды коммунистической партии.

Мы произвели в течение последних двух недель перерегистрацию, т.-е. **чистку** в наших собственных рядах. Мы удалили из рядов нашей петроградской партийной организации не одну тысячу бывших ее членов. Кого удаляли мы? Мы удаляли и тех, которые по нашему мнению не заслужили великой чести носить звание коммунистов. Это большею частью не рабочие, а люди более или менее привилегированных слоев, которые пытались „примазаться" к нам потому, что мы стоим теперь у власти и что через нашу организацию они могут получить место или какую-либо другую выгоду. Такие люди подрывали доверие к нашей партии. Такие люди думали только о своей собственной шкуре. А шкурникам, конечно, не место в рядах коммунистов.

Проделав эту работу, мы теперь широко открываем дверь тем людям труда, которые могут и должны быть в

рядах коммунистической партии. Мы вымели грязь, мы помыли и почистили нашу горницу, теперь в наш дом, очищенный от скверны, мы зовем тех, кто имеет полное право обитать в этом доме: мы зовем всех честных рабочих и работниц, всех красноармейцев и матросов, желающих бороться за полную победу коммунизма, стать членами нашей партии.

Что такое партия коммунистов? Это не какая-либо особая секта, это не аристократы труда. Это—те же рабочие и крестьяне, только более организованные, более сознательные, знающие, чего они хотят, имеющие свою твердую и ясную программу. По отношению ко всей массе рабочих и крестьян коммунисты являются не каким-либо начальством в худом смысле этого слова, а только старшими товарищами, пропрошедшими тяжелую школу жизни и способными указать правильный путь трудящемуся классу.

Мы обращаемся к беспартийным, и мы говорим им: нельзя в нынешнее время быть ни теплым ни холодным, нельзя оставаться ни в тех ни в сих. Каждый трудящийся должен выбрать себе место.

Среди беспартийных есть, несомненно, много хороших и честных тружеников, душой и телом стоящих за рабочую власть и ненавидящих гнет капитала. Но мало ненавидеть гнет, надо еще **суметь с ним бороться**. А для того, чтобы бороться с буржуазией и победить этого страшного врага, надо иметь свою организацию, надо обдумывать каждый свой шаг, надо выступать сплоченно. **А это и значит образовать определенную партию с точной и ясной программой.**

Мы говорим товарищам беспартийным: смотрите, кто является наиболее великим деятелем наших дней? Несомненно, вы все с нами согласитесь, что таким деятелем является покойный Карл Либкнехт. А можно ли себе представить хотя бы на минуту Карла Либкнехта беспартийным? Конечно нет! Карл Либкнехт не был бы Карлом Либкнехтом, если бы он не имел определенной программы, если бы он не имел за своей спиной организованную коммунистическую партию.

Карл Либкнехт **не был и не мог** быть беспартийным, он был коммунистом. И только поэтому он смог совершить то великое, что он совершил. И только поэтому он стал любимым героем десятков миллионов рабочих и работниц всего мира. Беспартийные рабочие шли за Карлом Либкнехтом в его борьбе против капитала. Но этого мало. Беспартийные рабочие не только должны в тот или в другой момент итти за коммунистами, они должны понять всю правоту коммунистов и стать сами членами коммунистической партии. В наш век можно быть только белым или красным, средины нет. Кто стоит за победу мозолистых рук, кто стоит за власть труда, тот не может не быть коммунистом.

Мы хорошо знаем, что в ряды коммунистов пытаются пробраться своекорыстные люди, даже прямо негодяи, люди, которые обижают рабочих, которые держатся так, как держали себя старые урядники. Этих людей мы выгоняем из нашей партии. Мы знаем, что среди беспартийных, среди отсталых слоев рабочих часто говорят: „А вот такой-то Иван Петров или Карп Сидоров называет себя коммунистом, а между тем он ворует, у него больше хлеба, он лучше одевается, он лучше живет, чем мы, рабочие". Да, это иногда так бывает. Но наша партия ведет против этого самую решительную борьбу. Таких Иванов Петровых или Карпов Сидоровых мы исключаем из своих рядов, мы сажаем их в тюрьмы, а когда нужно, ставим их к стенке.

Я понимаю, когда буржуазия и ее подпевалы по случаю того, что тот или другой примазавшийся коммунист поступает как урядник, зубоскалят и хихикают. Буржуазии, конечно, нужно, чтобы партия рабочих была слаба. Но сознательный и честный рабочий, хоть будь он беспартийный, не может зубоскалить и смеяться по поводу слабых сторон рабочей партии. Сознательный, честный рабочий, если он увидит ту или другую слабость рабочей партии, будет болеть душой, он скажет: если там плохо, надо поправить. Если в ряды рабочей партии пробралась нечисть, надо эту нечисть уничтожить.

То же самое говорим мы теперь всем сознательным рабочим Петрограда. Наша партия—партия рабочая, в нее открыт доступ всем честным труженикам. Если в рабочей партии существуют те или другие недостатки, давайте общими силами их поправлять.

Нам передают, что в связи с началом нашей партийной недели появляются господа меньшевики и эс-эры и нашептывают отсталым рабочим следующие мысли. Они говорят им: „А коммунисты вас зовут в партию, должно быть, это потому, что коммунистам теперь приходится туго. Лучше не идите в эту партию". Такой подлый прием вполне достоин тех негодяев, которые к нему прибегают. Сознательный рабочий Петрограда знает, что мы всегда звали в наши ряды всех честных пролетариев. Наша партия существует не один год. И всегда цвет рабочих состоял в рядах нашей партии. У Советской власти, у коммунистической партии бывали гораздо более трудные времена, чем теперь.

После событий в Венгрии едва ли найдется хоть один толковый рабочий, который будет слушать меньшевиков. Венгерских рабочих господа меньшевики продали в буквальном смысле слова. Не прошло еще и недели, как господам буржуям и меньшевикам удалось в Будапеште низвергнуть Советскую власть, а что мы видим? В Будапешт ворвались уже черносотенные войска венгерских помещиков, в Будапешт вошли румынские, английские, французские, чехосло-

вацкие войска. И все они грабят и все они убивают рабочих. Более того. Нескольких дней было достаточно для того, чтобы самих венгерских меньшевиков буржуазия прогнала в три шеи и выдвинула своего кандидата на престол— эрцгерцога Иосифа. Меньшевитская партия идет на замазку царям и помещикам. Итти за меньшевиками значит готовить себе петлю, значит раскрывать широко ворота для возвращения царя и помещиков. Это доказано и на примере Харькова и других городов, захваченных Деникиным. Вслед за Деникиным петушком-петрушком поспевают господа меньшевики, помогающие Деникину вешать на фонарных столбах харьковских пролетариев.

Мы зовем в наши ряды всех честных рабочих и работниц, красноармейцев и матросов не потому, чтобы данный момент был труден для Советской власти. Наше положение в данную минуту несравненно легче, чем оно было, скажем, год тому назад. Мы зовем в наши ряды рабочих и крестьян потому, что мы—партия масс, потому, что мы хотим дышать одной грудью со всеми трудящимися.

Каждый рабочий должен знать, что партия большевиков родилась не год и не два года тому назад. Наша партия имеет за собою не один десяток лет славной деятельности. Ядро нашей партии всегда состояло из самых передовых рабочих. Члены нашей партии своими костями усеяли далекий Сибирский путь, когда они шли в ссылку и на каторгу тысячами и тысячами. Наша партия первая подняла знамя восстания против царя и против буржуазии. Лучшие рабочие всего мира с гордостью называют себя коммунистами. Такие люди, как Карл Либкнехт, с гордостью называли себя большевиками.

Пусть же все рабочие-коммунисты в течение этой недели на фабриках и заводах, в казармах и на кораблях вербуют в ряды рабочей партии всех тех, кто стоит за победу труда над капиталом. Пусть в рабочей среде исключение составляет тот, кто еще почему-либо не вошел в ряды коммунистической партии.

Мы предупреждаем всех и каждого, что в нашей партии господствует железная дисциплина. Чтобы быть членом коммунистической партии, надо закалить себя, надо быть готовым к жертвам, надо знать, что по призыву партии придется брать на себя часто очень трудную работу. Мы зовем в наши ряды только тех, кто готов жертвовать собою ради интересов рабочего класса. Но зато всем тем труженикам, которые к этому готовы, широко и гостеприимно открыты двери нашей партийной организации.

Вступайте в ряды коммунистической партии, укрепляйте и помогайте той партии, кот рая единственная во всем мире ведет рабочий класс к полному освобождению.

Г. Зиновьев.

